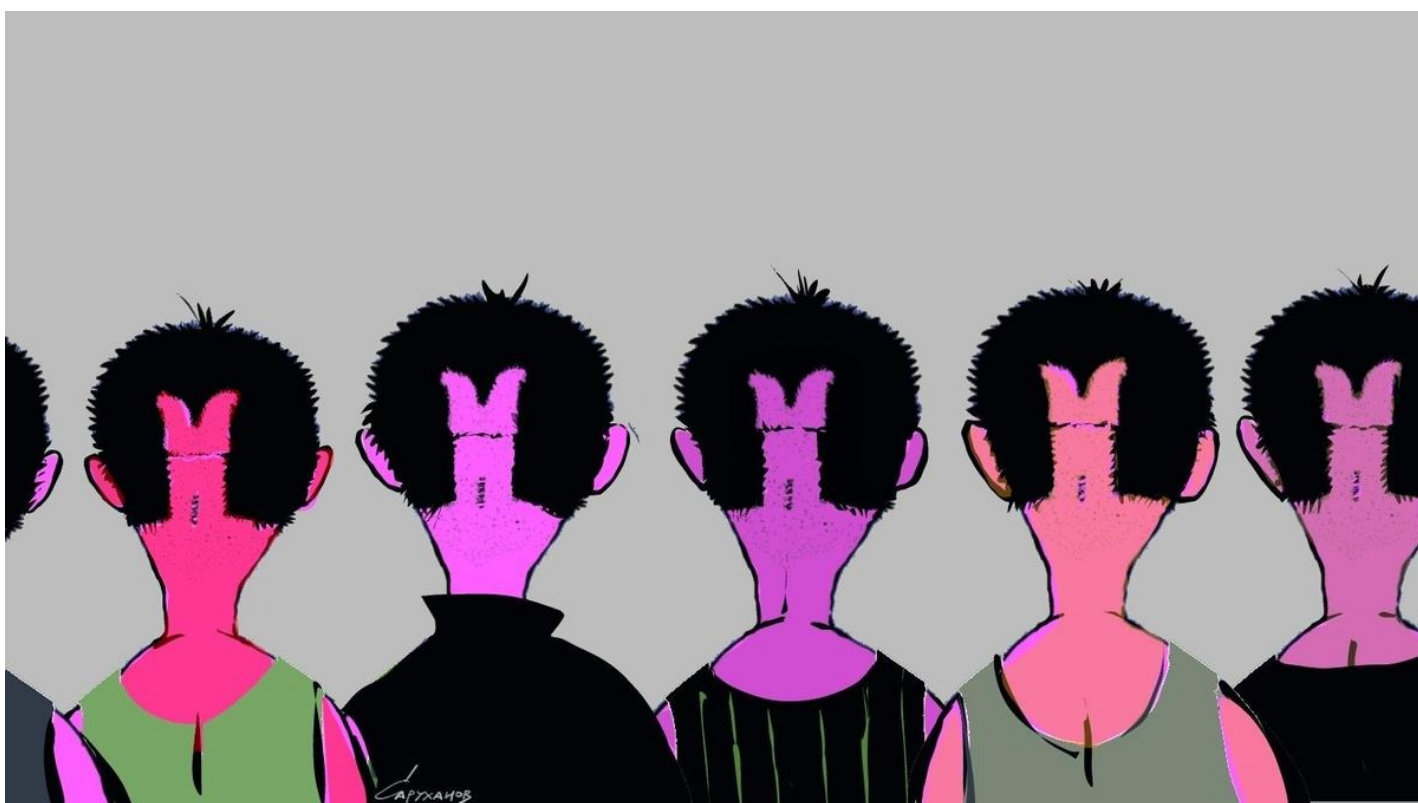

Диктатура культуры

Пропаганда и насилие — две стороны одной медали,
отчеканенной в РФ

Петр Саруханов / «Новая газета»

15:18, 20 февраля 2024,

Леонид Никитинский

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Продолжим оценивать последние события в сфере как бы права, чаще всего касающиеся теперь области культуры, в терминах самой этой культуры и философии: правовая логика отсюда уже изгнана и даже «диктатура закона», обещанная еще премьер-министром Путиным в начале 2000 года, ничего не может объяснить.

Партия власти «ГР» — Гомогенная Россия

В большом интервью Бориса Кагарлицкого*, которое было записано незадолго до, а выложено на нашем YouTube-канале «Но. Медиа из России» в самый день, когда на него после изменения приговора надели наручники, профессор вспомнил лекцию Макса Вебера «Политика как призвание и профессия».

В этом знаменитом выступлении, состоявшемся в 1919 году, Вебер предложил различать этику убеждений и этику ответственности. Первое — это то, что заставляет нас, не слыша друг друга, бросаться в ожесточенный спор, если не в драку. А этика ответственности, которая пристала настоящему политику, заставляет его заглянуть в послезавтрашний день и подумать о последствиях своих решений.

Этика ответственности не отменяет убеждений, но допускает компромиссы.

С 1953 по 1963 год статс-секретарем канцлера Германии Конрада Аденауэра и его ближайшим советником был юрист Ганс Глобке — автор и толкователь антисемитских Нюрнбергских законов 1935 года, избежавший одноименного трибунала лишь потому, что формально он не был принят в НСДАП. В отношении нацистского прошлого в этот период действовал неписанный обет молчания, который прорвало лишь следующее поколение

немцев в конце 60-х — начале 70-х годов.

В нынешней России рядовые операторы политических репрессий, как и доносчики (пранкеры Вован и Лексус — тоже явление культуры), действуют, скорее всего, искренне, исходя из этики убеждений. Верна ли эта близорукая логика применительно к президенту Путину и его ближайшему окружению? Как бы не хуже. Их действия, которые с рациональной точки зрения кажутся нам неадекватными, на самом деле целерациональны (снова по Веберу) и для них самих выглядят разумными и даже неизбежными.

Представляя себе будущее России, Путин видит ее именно такой: гомогенной и лишенной за ненадобностью людей колеблющихся, то есть в первую очередь гуманитарной интеллигенции, а заодно и технической, хотя второе уже «издержки».

Репрессии в отношении историков, писателей, журналистов и деятелей культуры, а также шпиономания в оборонных отраслях начались не вчера, но после февраля 2022 года вышли на принципиально новый уровень. Вопрос об их смысле, как и о целях самой СВО, должен быть поставлен не как «Зачем?», а как «Почему?».

Продолжая рассуждать в логике Вебера, российская власть исчерпала возможности своей легитимации с помощью права, то есть рациональным образом. Единственным средством сохранения легитимности — в форме аккламации, через которую фактический монарх будет обречен в очередной раз пройти через месяц — остается сакрализация, то есть миф.

Силу мифа, конструирующего воображаемые сообщества (Бенедикт Андерсон), ни в коем случае не следует недооценивать. Но, в отличие от веры, не исключающей рациональное сомнение, миф, который обращается исключительно к эмоциям, столь же могуществен, сколь и хрупок.

Кадр из фильма «28 панфиловцев»

После выхода на экраны в 2016 году фильма «**28 панфиловцев**» (см. [рецензию «Новой газеты»](#) — Ред.) ученые-историки указали, что четверо посмертно награжденных героев оказались живы, а один попал к немцам в плен и служил полицаем, это установлено советским судом. Министр культуры Владимир Мединский назвал ученых «конченными мразями»: «Даже если история о 28 панфиловцах выдумана от начала и до конца, это святая легенда, к которой просто нельзя прикасаться».

Философ Джорджо Агамбен анализирует политическую процедуру перемещения неких сущностей из сферы сакрального в сферу профанного и обратно: вокруг этого и

ведется борьба. Исключая риторику, которая для того времени была еще необычна, в некотором смысле

Мединский был прав: миф функционирует только целиком, как бетонная плита.

Никто не оспаривал подвиг советских воинов зимой 1941 года под Москвой, однако любая попытка подойти к мифу рационально и поставить под сомнение даже его отдельные детали грозит «профанацией» и опасна для власти, чью легитимность он подпирает.

За отсутствием внятных резонансов у начала СВО оно обосновывается долгой, от царя Гороха, историей взаимоотношений России и Запада, однако то и другое по ходу дела переизобретается. Для этого удобней всего обращаться к историческим персонажам, которые выдергиваются из длинного летописного ряда, выбирается и то, что якобы было ими сделано и говорено — они уже не возопят из могил.

Многократно описанная избирательность правоприменения работает и в отношении исторических событий и персон. Но такой зыбкий миф приходится охранять — в первую очередь от историков, которые пытаются его опровергнуть. Создаваемая таким способом культура (без кавычек) стремится к монолитности, а это требует затыкания ртов оппонентам. Отсюда, вероятно, дело Юрия Дмитриева, исследователя массового захоронения Сандармох, ликвидация «Мемориала»*, а заодно и Московской Хельсинкской группы и много чего еще.

Новые черты «МТМ — машины тоталитаризма модернизированной» (см. подробнее [публикацию на сайте за 27 января](#)) как раз и состоят в ее тесной, до степени слияния, связи с пропагандой. Пропагандистская составляющая МТМ

занята созданием мифологии, а репрессивная — борьбой с теми, кто относится к ней критически, и они уже не могут существовать по отдельности.

На сайте «Наши новости» только что [опубликована программная колонка](#) литературного критика Андрея Рудалёва «Литературе требуется перезагрузка», изобличающая в низкопоклонстве перед Западом наиболее известных современных российских писателей и издателей с предложением передать все издательское дело в ведение Минкульта. По наведенным справкам, сайт создали друзья председателя комитета Госдумы по культуре Елены Ямпольской. Репрессивная часть законодательной «машины» уже лязгает челюстями.

Эффективный никто

Кажется, философ Диана Гаспарян (могу ошибаться, Google не находит, а сама она не помнит) обратила внимание на особую роль в русском языке возвратных глаголов. По-английски или по-французски невозможно сказать: «Ваза разбилась» — в утверждении обязан быть субъект, пусть даже «кто-то». А в мышлении на русском эта бессубъектная конструкция «ся» укоренена очень глубоко.

Постоянный представитель России в ООН Василий Небензя так и ответил на вопрос «Би-би-си» в недавнем интервью: «Мы не начинали (***) . (***) началась»...

Насилие, и не только в inferнальных, но и в более мягких формах, у нас бессубъектно. Например, кто запретил библиотекам выдавать читателям книги Людмилы Улицкой?

Писатель, которая не стигматизирована даже минимальным «иностранным агентом», никогда этого не узнает. Никто: ее книги на всякий случай как-то «запретились» сами собой.

Писателя Людмилу Улицкую провокаторы облили зеленкой перед началом школьного конкурса «Мемориала». Скриншот видео: соцсети

Обливание той же Улицкой зеленкой в 2016 году в связи с проведением конкурса школьных работ по истории (а [Муратова*](#) краской, а машины и дома Латыниной* высокотоксичным и дурно пахнущим [веществом](#)) — действия, лежащие за гранью закона, но в глазах большинства соотечественников, прежде всего тех, кто составляет ядро госслужащих и «силовиков», они, видимо, легитимны (одобряемы). Будь иначе, «правоохранительные органы» хотя бы одного такого партизана поймали бы, но на десятки громких случаев никого «не нашли». Это не уступка государством монополии на легитимное насилие (и снова Вебер!), а, напротив, ее расширение за счет подсоединения парамилитарных структур.

В то же время это одна из двух русских культур — та, в которой насилие возведено в добродетель, — во всяком случае, когда оно применяется к представителю второй, менее широко представленной культуры, воспринимаемому как «чужой». Призывая подданных к кровной мести, Рамзан Кадыров по законам РФ совершает уголовное преступление, но в своей республике, де-факто вполне суверенной, он, вероятно, легитимен — таков многовековой обычай.

Ключевое слово тут снова — «ответственность». В западной (христианской) парадигме перед Богом один на один отвечает только отдельный человек. Он может создавать коллективы с другими ради сотрудничества, но коллективный субъект ответственности невозможен. РПЦ, гарантируя бойцам СВО коллективное попадание «в рай», сдвигается от христианства к исламу и даже к адатам, а права человека — в конечном итоге производное от христианских ценностей — закономерно оказываются западной выдумкой, противной духу коллективизма.

Один язык — две этики

Украина исторически ближе к Западу, чем Россия, и не только географически. Но и в перевоспитанной двумя с половиной веками монгольского ига России, по крайней мере, с Петра — сосуществовали обе культуры: условно западная и условно восточная, в которой коллективный субъект покрывает вину отдельных индивидов. Мы полуевропейцы и полуазиаты, несем в себе оба гена ответственности (и безответственности), а какой из них в какой момент активизируется в «популяции», зависит, я думаю, от обстоятельств текущей истории.

«Конформизм» и «комфорт» — слова от одного и того же корня. Та политика в сфере культуры, которая нашла свое выражение еще в названии партии «Единая Россия» в 2001 году, изначально всего лишь создавала условия для формирования

коллективистского «народа», но постепенно переросла в уничтожение той его части, которая не представлена в государственных органах, по крайней мере, официально

(а неофициально к ней относился, по-видимому, фанат Deep Purple экс-президент и председатель «ЕР» Дмитрий Медведев, чья нынешняя сермяжная оголтелость и объясняется его страхом перед «русским миром» ближайшего круга).

Столкновение двух этик — еще не борьба добра со злом, а нестыковка по-разному понимаемых видов блага. Разница миропониманий упирается в границу добра и зла там, где появляется насилие. Важнейший для «русского мира» философ-«государственник» Иван Ильин, хотя и приветствовал приход нацистов к власти в Германии, все же не решился прямо объявить насилие благом. Из дилеммы двух этик он выпутывался с помощью специально придуманного, искусственного термина «заставление» — но это ничуть не меняет сути насилия.

Для либерала-западника государство — это в конечном итоге зло. Пожалуй, пока это наименьшее из и даже необходимое зло, но оно не превращается тем самым в добро. И, как ни парадоксально это выглядит, индивидуализм оказывается гораздо более миролюбив, чем коллективизм. Он делает ставку на соревнование, пусть и жесткое, но это все же «агон», а не антагонизм.

Зона СВО — не единственная сегодня арена столкновения двух этических парадигм и даже цивилизаций. Коллективным субъектом мыслят себя ХАМАС и другие фундаменталистские

течения, но не остается в стороне и «дикий Запад»: риторика Трампа тоже находит отклик у некоего коллективного «мы».

Бессмысленно говорить, какая из культур лучше или хуже. Нельзя сравнить любой из европейских языков, включая русский, с китайским. Они просто организованы на совершенно разных принципах. Что Запад на протяжении последних четырех-пяти столетий смог доказать, так это большую экономическую эффективность и способность к высоким достижениям в сфере искусства. Коллективный субъект не способен на инновации и оригинальное авторство, а те отдельные личности, которые способны и которые в странах восточной парадигмы, конечно, тоже есть, нередко там преследуются и находят себя на Западе.

В современно мире, который становится глобальным, благодаря средствам связи и устранению лингвистических барьеров люди западной парадигмы начинают строить свои объединения поверх государственных границ.

Это создает угрозу суверенитету государств, тяготеющих к «традиционным ценностям». Для них наступает «последний бой с трансгендерными туалетами», хотя таких последних боев в истории разных стран было, конечно, уже немало.

Смерть автора

Практики насилия в сфере культуры блестяще анализирует в заметке [«Неосуловизм»](#) (по имени главного идеолога брежневского социализма Михаила Сулова) на сайте «Новой» Андрей Сапожников, описывая «государственный террор,

развернутый против конкретной социальной группы — участников культурного процесса, не относящихся к условному клану «доверенных лиц».

На фоне истерической пропаганды «традиционных ценностей» острие репрессий направляется против тех, кто создает не предусмотренные в официальном дискурсе смыслы, с неожиданной силой. Культура и насилие сливаются в экстазе.

Однако право связано с цивилизацией теснее, чем принято думать, — Мераб Мамардашвили говорил о его институтах как «мускулах культуры». Злоупотребление правом без разрушения культуры невозможно. Так, чтобы получить «знание», потребное для будущего приговора за «пропаганду терроризма» Евгении Беркович и Светлане Петрийчук, приходится привлекать таких «экспертов», которые либо ничего не смыслят — именно в культуре, либо, что более вероятно, подменяют истинную (признанную) культуру заведомой подделкой.

«Русский мир», прекрасно [описанный о. Андреем Кордочкиным](#), — это способ организации времени и пространства как в виртуальном, так и в реальном смысле, и на этом фоне авторское право (право интеллектуальной собственности) — самая современная и быстро развивающаяся из его отраслей — становится ареной постоянного столкновения современности и архаики.

Авторское право подразумевает за автором в первую очередь неотчуждаемое право на имя. Но какое имя может быть у того, кто неблагонадежен? (Вспоминаем «Юру-музыканта» на встрече с президентом, якобы забывшим фамилию Шевчука в 2010 году.) Вымарывание имен авторов и актеров из афиш — самая безобидная, хотя и откровенно незаконная практика. Но интеллектуальная собственность — это именно собственность, по закону ее нельзя просто отнять и присвоить, как это делалось для записи грампластинок в СССР.

Приостановка выплаты роялти за исполнение произведений — нарушение закона и условий договоров. Авторы, которых лишают доходов на том основании, что они пускают их на благотворительность в отношении граждан Украины, могут взыскать их и штрафы в судебном порядке — но кто сегодня пустит их представителей в суды? За этим следует отмена под квазилегитимными предложениями спектаклей и концертов. Уже принят и подписан президентом «закон о конфискации», нацеленный на отъем собственности у популярных, но «непатриотичных» авторов.

Возникают вопросы, давно известные в правовой теории: о действии закона во времени и пространстве. Изъятие из магазинов и библиотек изданных книг означает придание обратной силы *неправу* (см. о *неправе* в публикации об «МТМ» за [27 января](#)).

Попытка вывезти из Таиланда в РФ музыкантов группы «Би-2» для примерного их наказания — покушение (как оказалось, с негодными средствами, но дипломатический аспект мы оставим за скобками) на распространение неправа РФ за пределы ее государственного суверенитета.

Дирекция Александринского театра в Санкт-Петербурге направила Борису Акунину* уведомление, что авторство его пьесы «1881» принадлежит творческой группе и режиссеру, поскольку «текст пьесы состоит из компиляции исторических материалов, диалогов, основанных на архивных материалах». Подписать такое письмо мог решиться лишь тот, кто сознательно запирает себя и театр в границах суверенной РФ —

ни одна из цивилизованных (в смысле авторского права) стран этот театр в обозримом будущем не пригласит и не примет.

У критически мыслящего субъекта объявление в розыск писателя Дмитрия Глуховского* и другие нелепости не могут не вызвать улыбку, но шутить становится опасно. Только что пришло сообщение о взятии под стражу в Волгограде по делу о «реабилитации нацизма» девушки, в шутку (пусть и неуместную) пощекотавшую на изображении в смартфоне грудь скульптуры «Родина-мать». В Красноярске [отправлен под домашний арест](#) художник Василий Слонов — в стилизованной неваляшке, разукрашенной синими татуировками, следственные органы увидели «демонстрацию экстремистской символики» (запрещенного в РФ «движения АУЕ»).

Операторам репрессий во главе с Думой, если бы они были более любознательны, тут пригодились бы рассуждения Мишеля Фуко о «смерти автора». В этом его концепте бывший автор оказывается «пустой» функцией дискурса. Этот взгляд, кстати, не противоречит обычному пониманию авторства, но позволяет посмотреть на него с изнанки, откуда лучше видны стежки и узелки.

В отношении Кристины Орбакайте ([«дочери иностранного агента»](#)) — но это скорее хамская невнимательность, чем ложь) лучше перебдеть, чем недобдеть. Однако взгляд с изнанки открывает нам не только семейные тайны. В интервью Такеру Карлсону президент, к общему разочарованию, не сказал ничего нового. И не может сказать — он уже не субъект, а «пустая функция»: однажды заведенный дискурс теперь управляет им, а не наоборот.

«Смерть автора», ставшая не только антиправовой, но и культурной парадигмой российской политики, также вытекает из предпочтения индивидуальной личности «коллективного субъекта».

Искусство отличает от подделки труднообъяснимое, но отчетливо уловимое свойство — «стиль». Повальное шествие в кино на «**Мастера и Маргариту**» объясняется не столько поиском между строк «антисоветских» смыслов, которые молодежь вряд ли считывает, сколько тем, что фильм просто стилистичен. Екатерина Мизулина, чье триумфальное шествие по городам и весям наряду с эксплуатацией образа «Барби» объясняется принудительным заполнением актовых залов юными поклонниками, эту жажду стиля не способна стабильно утолять, как и крашенный под «белокурую бестию» и затянутый в черную кожу Шаман.

Одновременно с «Мастером» выпущен (из стыдливости только в онлайн-кинотеатре) «молодежный триллер» «Клипот». «Российская газета» объясняет: название авторы почерпнули из каббалы, где оно означает богопротивную силу, а повествует сериал о «группе молодых людей, которых арестовывают по подозрению в экстремизме, куда входят художница, выпускник Стэнфорда, администратор оппозиционного телеграм-канала, дочь губернатора, феминистка и анархист». Дополнительные пояснения по сюжету нужны?

Это старая, примерно с «дела Болотной», чекистская песня об «иностранном влиянии». Однако образы подпавших под пагубное влияние либералов внеисторичны и противоестественны, это невозможно смотреть даже для хохмы. У осевшего в США Михаила Локшина получилось, а у патриотов — никак. Лени Рифеншталь в РФ нет, Виталий Манский* с его «Артдокфестом» давно «иностраный агент», а у Бесогона чаровавший нас в молодости талант почему-то иссяк.

Истина, которой, типа, тоже нет, не терпит подделки. Великая русская литература, которую «на Западе» никто и не думает «отменять», ворочается в гробу: если ее и «отменили», то именно здесь, в РФ.

Волшебники Изумрудного города

Фуко занимают в основном мягкие дисциплинарные практики, которые настолько повседневны, что уже не воспринимаются как насилие. Для их описания он вводит понятие «*диспозитив*». Упрощая, диспозитив — это то, что нам позволено и даже велено знать в определенную эпоху на определенной «суверенной» территории. Такое *знание* охраняется и внедряется в школе, где историю зубрят по учебнику Мединского, в институте, где студент рискует провалить экзамен, если станет рассказывать о пресмыкательстве Александра Невского перед ордой, при приеме на госслужбу и в процессе ее отправления, ну и, разумеется, через телевизор, бубнящий россиянам идеологическое нечто за ужином.

В Иркутске только что оштрафована за дискредитацию вооруженных сил мама, попросившая воспитательницу детского сада не злоупотреблять военными игрушками.

Воспитательница ее и заложила, объяснив в суде, что такова государственная установка: воспитывать в детях готовность защищать родину. Чем младше и доверчивей ребенок, тем прочней формируется *диспозитив*.

Диспозитив не внутри головы, но и не вполне снаружи — это зеленые очки с замочком, которые псевдоволшебник Гудвин заставлял носить всех обитателей Изумрудного города. В терминах IT это не железо и не внешняя информация, а «софт», который делает что-то совместимым с вашей головой, а что-то нет.

Есть еще интересный вывод, который стоит извлечь из этой

прекрасной, хотя и сворованной (мы возвращаемся к авторскому праву: «страна Оз» изначально была придумана американским писателем Фрэнком Баумом) сказки: Гудвин боится Элли и ее друзей больше, чем они его.

По этой, видимо, причине нынешний российский режим, декларируя возврат к премодерну в виде «скреп» (к числу которых председатель Конституционного суда РФ однажды без обиняков отнес крепостное право), одновременно сам исповедует постмодернистский релятивизм — прежде всего в культурной сфере.

Культура, как мы ее все еще понимаем (хотя не факт, что это понимание сохранится и дальше), — феномен модерна, эпохи, в которой считается, что истина, так или иначе, существует (пусть и не обязательно познаваема). Постмодерн как мировоззрение, противостоящее модерну, характеризуется, напротив, релятивизмом: истины не существует, она «у каждого своя».

Нам не избежать упреков в том, что мы больше опираемся на западных авторов вместо своего посконного Дугина. Но это лишь еще одно подтверждение того, что в культуре, построенной на приоритете «мы», ничто новое не растет — даже любимый «русским миром» Ильин философствовал не в СССР, а в Веймарской Германии. Мы вовсе не обязаны разделять релятивистские и пессимистические выводы постмодернистов, но их необычные подходы позволяют встряхнуть привычную картину мира, повернуть ее с ног на голову, а затем скорее всего вернуть в прежнее положение, но уже с некоторым новым пониманием. «Если мы ничего не можем сделать, мы можем хотя бы понимать» — вот мой любимый девиз из Ханны Арендт.

Между тем еще советский опыт учит, что можно носить в кармане «запасные очки» — главное не перепутать, когда и где какие надевать — и таким образом мягко уклоняться от

принуждения. Своей сравнительной бескровностью крах СССР был обязан хорошо усвоенной практике двоемыслия.

Можно ли заменить «софт» в головах соотечественников? Да, и мы это не раз проходили. Но это болезненная для всякого отдельного лица операция, чреватая выходом его «компьютера» из строя. И эту операцию каждый может произвести только сам, и только если нужда (меняющаяся реальность) заставит.

Жалко, особенно всех

В очень глубокой работе «**Террор и речь. Тезисы 2023 года**» (на сайте Koine — погуглите) Михаил Немцев замечает, что «государственный террор стремится лишить нас в первую очередь «речи» (в более широком значении — культуры). Между тем «речь — обращение к другим — это не просто использование языковой способности... Если можно дать материальное определение «сущности человека», она в этом — в способности что-то сказать... Государственный террор криминализует актуализацию людьми своей сущности — саму «человечность человека».

В Москве молодая женщина пришла с сыном к врачу и рассказала, объясняя что-то в диагнозе ребенка, что его отец убит где-то «на присоединенных территориях». Врач якобы ответила, что такой боец для украинцев «законная цель». Сына в кабинете не было, разговор шел один на один, «дискредитация», которую по жалобе пациентки следствие тут же вменило врачу, не была публичной (а это признак состава преступления), да и дискредитации тут тоже нет.

Врач уволена и отправлена под домашний арест. Из рыдающей мамы телеканалы в тот же вечер слепили звезду на час. Проблема в том, что по-человечески жалко обеих. Педиатру 67 лет, ей разгромили квартиру, хотя необходимости в обыске не было. Пациентка, пусть даже и истеричка — в чем виновата?

Квартира педиатра Надежды Буяновой, делом которой занимался Бастрыкин, после обыска. Из поликлиники ее уволили

Кант определял просвещение как «выход человека из состояния несовершеннолетия... в котором он находится по собственной вине». А вина-то в чем? В лени и нежелании пользоваться собственным умом. Зачем учиться, если «с нами Бог»?

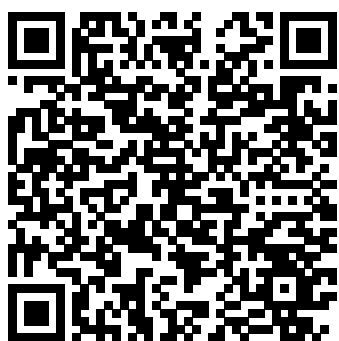
Пусть сын этой мамы из поликлиники лет через двадцать, когда вырастет, сам решит, гордиться ему таким отцом или нет. Мы не можем отобрать у него это право. Что мы можем — постараться сделать так, чтобы он вырос мыслящим и образованным человеком, пусть у него хоть тут будет свободный выбор.

Вот этой возможности нынешний российский режим, комбинируя инструменты отупления одних и принуждения других, старается нас лишить. Возможно, и изведут, как вредителей. Но тогда это будет уже не историческая Россия.

Подзаголовок этой главки я позаимствовал у обозревателя «Новой» и своего друга Зои Ерошок — она умерла несколько лет назад от рака. Не дожила до СВО — может, ее вовремя «эвакуировали». Но я уверен: если бы была жива, каждый день повторяла бы сейчас эту фразу.

* Признан в РФ «иноагентом».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[MTM: Машина тоталитаризма модернизированная](#)

Власть в обществе, обретающем тоталитарные черты, — это не персоны, не институты, не закон, а стратегии и техники сохранения господства

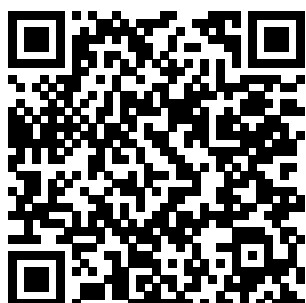
10:55, 27 января 2024, Леонид Никитинский

[Неословизм](#)

Какие инструменты использует Кремль для уничтожения современной русской культуры

13:06, 8 февраля 2024, Андрей Сапожников

[Конец русского мира](#)

Как и кем было задумано то, что сейчас пытаются выдать за идеологию. И почему ничего не получилось

12:06, 7 февраля 2024, Андрей Кордочкин